

Heller, Leonid; Mnich, Roman

Разговор о Фёдоре Достоевском

Slavica litteraria. 2022, vol. 25, iss. 1, pp. 15-23

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/SL2022-1-3>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/145062>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Разговор о Фёдоре Достоевском

Leonid Heller (Lausanne – Paris) – Roman Mních (Warszawa)

Аннотация

Неформальный диалог двух историков русской литературы, одного из Польши, другого из Швейцарии, о Достоевском. Речь идет о рецепции творчества писателя и его биографии, о насаждении его нового культа, о важнейших чертах его творчества, о его художественных открытиях. Отдельно говорится о значении Достоевского в наши дни, когда Россия использует его воззрения, строя свою великодержавную мифологию.

Ключевые слова

Достоевский; русская литература; рецепция Достоевского сегодня; новый культ Достоевского; державный миф России; русское мессианство

Abstract

A Dialogue on Dostoevsky

We present an informal dialogue about Dostoevsky between two historians of the Russian literature, one from Poland, the other one from Switzerland. The conversation approaches different subjects such as the reception of Dostoevsky as writer and as man, installation of his new cult, the salient traits of his work, his artistic discoveries. One particular topic concerns Dostoevsky's role today when Russia is using his ideas to build its mythology of a great power.

Key words

Dostoevsky; Russian literature; Dostoevsky's reception; new cult of Dostoevsky; Russian imperial mythology; Russian messianism

Прежде, чем начать наш разговор, подчеркнем, что мы оба ни коим образом не являемся специалистами по Достоевскому, ни даже по литературе XIX века, хотя, понятно, что любые занятия и исследования русской культуры и литературы провоцируют обращение к творчеству этого писателя, его художественной прозе и публицистике, к его мыслям и идеям. Поэтому данный разговор представляет размышления в большей мере читателей Достоевского, нежели исследователей его текстов.

RM:

Я хотел бы начать наш разговор о Достоевском с некоторых общих положений, которые выглядят уже устоявшимися и традиционными, но при более близком рассмотрении оказываются весьма проблематичными. И первое, что мне вспоминается в этой связи – тезис о том, что Достоевский *христианский* писатель. Определение достаточно расплывчатое, я бы даже сказал – совсем непонятное, что значит христианский писатель?? А Бальзак – христианский писатель, или антихристианский?? А Пушкин – это христианский писатель?? Константин Мочульский в своей книге о Достоевском писал, что Достоевский – это даже «великий христианский писатель» Действительно ли Достоевский *христианский* писатель? Что Ты думаешь по этому поводу?

LH:

В точном смысле слова христианские писатели – это Отцы Церкви и церковные иерархи, создатели и защитники христианской доктрины, а вслед за ними, вплоть до сегодняшнего дня, ее профессиональные толкователи, богословы. В применении к Достоевскому термин, действительно, становится расплывчат. Но это не значит, что его нельзя заставить работать, или всякий раз уточняя, что имеется в виду, или же превращая в вопрос, проблему, – так делаешь Ты. Возьмем Бальзака, которого Ты упомянул. О его христианстве, точнее, католичестве шли споры. Он был учеником Сведенборга и Сен-Мартена; и вместе с тем писал о религии, о церкви, о Христе. Кое-кто из соотечественников прямо называл его католическим писателем (Барбэ д'Оревилю, Бурже), тогда как церковь занесла его произведения в индекс запрещенных книг. Бальзак не верил в божественную натуру Христа, он думал о нем как о человеке, обладающим сверхъестественными способностями. Он больше исследовал социально-политические стороны религии, чем ее духовность, радикально отличную от эзотерического мистицизма. Этим он отличается от такого писателя, как испытывший его влияние Жорж Бернанос, на которого не менее очевидным образом повлиял и Достоевский. Для Бернаноса основные, ведущие темы – вера, сомнение, искушение, благодать и искупление, – развернуты в христианской перспективе и в религиозно-церковном контексте. По-моему, Бернаноса можно назвать христианским писателем: это один из голосов христианской веры в хоре французской литературы. Бальзак же писатель христианский в том же смысле, что Рабиндранат Тагор – писатель «индуистский», который пишет, вырастая из культуры и традиции индуизма, в борьбе за нее или против нее. В таком смысле Достоевский, конечно, писатель

христианский, и даже православный. Надо сказать, что такое утверждение не только не исчерпывает вопроса, но, может быть, и искажает его суть.

Стоит в разговор включить понятие масштаба творчества. Книги Бернанося обладают большой плотностью, но не большим масштабом, они сосредоточены на христианских темах. Бальзак писал обо всем на свете, масштаб его творчества чуть ли не безграничен. Достоевский тоже был гениальным писателем, и по своему масштабу его творчество тоже неисчерпаемо. Его можно читать и как глубочайшего психолога, и как социального критика, и как политического аналитика, и как обновителя романной техники. Что важно для литературоведа? Как-то Виктор Шкловский сказал, что Белому его антропософские воззрения нужны были для создания новой формы, – не новая форма понадобилась для проведения антропософских идей, а наоборот. Может быть, христианская вера нужна была Достоевскому для создания новых героев, новых литературных ситуаций, новых способов строить повествование?

RM:

Возвращаясь к «христианству» Достоевского, я хочу отметить абсолютно нехристианское поведение писателя: игра в рулетку, вечные долги, проблемы с женой (женами) и так далее. То есть тот путь жизни, который проповедовал Иисус Христос, абсолютно несовместим и несопоставим с жизненной дорогой Достоевского (достаточно прочесть биографию писателя, написанную Леонидом Гроссманом). Огромная пропасть между его личной жизнью и поведением в жизни, с одной стороны, и идеологией его произведений, с другой стороны. Как это объяснить в контексте возвеличивания его как христианского писателя?

LH:

Мой ответ банален: похоже, что возвеличивание Достоевского как христианского писателя основывается на знании его творчества, а не его жизни, пропасть же, которую Ты констатируешь, устраняется из поля зрения апологетов. А где сказано, что художник обязан и в жизни следовать нарисованному им идеалу? Хорошо, если так получается, но разве это общее правило? Недавно мне случилось в очередной раз спорить о вариантах пушкинской формулы о несовместимости гения и злодейства, о том, правомерно ли смешивать оценку художественного творчества с моральной оценкой реальной жизни художника, нет ли тут недопустимого смешения уровней познания. Возможно ли непредвзятое вчувствование в картины Караваджо или поэзию Вийона, если знать о преступлениях их создателей? По-моему, бывает, что нелицеприятные события личной жизни и мнения художника слабо проявляются в произведениях, а бывает наоборот, творчество становится отражением его поведения и идей. Между тем и другим много промежуточных стадий. В картинах Караваджо необычайная игра светотени несомненно намекает на темные стороны человеческой природы, но ведь убийство в них не восхваляется. Что касается Достоевского, его христианский идеал не мешает ему не только играть в рулетку в реальной жизни, но и, мечтая

о высокой участи России, с презрением третировать в своих писаниях то евреев, то поляков, то французов. Вместе с тем, ясно, конечно, что проповедует он не человеконенавистничество, а любовь ко всему человечеству (а к ней истинно способен только русский человек).

RM:

Почему только русский??? Разве еврей не способен на любовь ко всему человечеству? Во всяком случае мой опыт общения с литературой хасидов Галиции говорит о другом.

LH:

Это же не я утверждаю. Так получается, если читать Достоевского, который в русском народе видит «народа-богоносца».

RM:

Продолжая вопрос о совместимости гения и злодейства: в глазах одних современных интеллектуалов (Дмитрий Быков, например) Достоевского нельзя «делить» на человека и писателя, и все его, проявившиеся в публицистике и дневнике фобии (антисемитизм, враждебность к полякам) «работают» на создание одного единого образа писателя Достоевского; другие интеллектуалы (Борис Акунин) четко разделяют гениального писателя Достоевского и «малодушного», «ничтожного» среди детей мира сего человека Достоевского. Как Ты считаешь – существует два Достоевских или только один???

LH:

Я считаю, что в сегодняшнем мире сосуществуют два множества Достоевских: одно в том, что он написал, другое в том, что написано о нем. Иногда эти множества перекрываются. Говорю о множествах, потому что и в том, и в другом Достоевский разнолик, противоречив, то похож, то не похож на себя. Выше я говорил о споре как раз об этом – можно ли, нужно ли разделять писателя и человека. Я не думаю об этом абстрактно, не стремлюсь к однозначным ответам. Если бы я в качестве филолога заинтересовался риторической и поэтической структурой националистского дискурса в литературе – не только русского дискурса – часть материала для иллюстрации и анализа я, вероятно, взял бы из Достоевского. Те его высказывания, которые смахивают на этноцентрические, националистские, меня раздражают. Но это не дает мне права требовать, чтобы он исправился, или чтобы его исправляли. И тем более, права исправлять самому. Тем не менее, оставляю за собой право спорить с теми, кто закругляет углы.

RM:

Ты задел тему литературной формы произведений Достоевского. Скажи об этом больше. Насколько его малая проза отличается оригинальностью и насколько он в своих романах создал новую художественную форму? Когда литературоведы

говорят о Достоевском, то обычно всплывает имя М. Бахтина и его концепция полифонического романа. М. Бахтин считал, что именно Достоевский создал особый тип романа и в этом было его художественное открытие. С другой стороны, литературоведы давно отметили, что почти все романы Достоевского построены по старой схеме детектива. Возвращаясь к вопросу о литературной форме, хочу спросить, как быть с таким противоречием? Может быть, полифонический роман – это не открытие Достоевского, а его предшественников?

ЛН:

Я принимаю бахтинскую концепцию с некоторыми ограничениями; так, я считаю, что он несколько преувеличивает свободу персонажей Достоевского от авторского контроля, этот контрольный голос присутствует-таки в его текстах. С другой стороны, мне кажется, что Диккенс и Гюго близко подходят к принципу многоголосия, – язык их героев наделен различительными чертами, нужными не столько для определения их социального статуса, как в классическом романе, сколько для обрисовки их характеров и взглядов. Но, вероятно, Бахтин прав и форма полифонического романа получает по-настоящему воплощение именно у Достоевского.

Отмечу, что вряд ли корректно говорить о «старой схеме детектива»: в то время, когда писал Достоевский, детектив только оформлялся. После новелл Эдгара По прошло лишь два десятилетия, а среди романов, ставших образцами жанра, «Холодный дом» Диккенса, в котором появляется персонаж инспектора, написан в 1853 году, «Дело вдовы Леруж» Эмиля Габорио в том же 1866 году, что и «Преступление и наказание», а знаменитый «Лунный камень» Уилки Коллинза только в 1868. Достоевский не использовал устоявшиеся жанровые схемы, а был одним из создателей жанра, вдохновляясь в той же степени чтением судебных хроник, что и известными в то время писателями. В «Преступлении и наказании» есть сходные мотивы с «Евгением Арамом» Бульвера-Литтона, который был написан в 1832 году, а переведен на русский в 1860. Но и тут никак нельзя говорить об использовании «старой схемы»: сюжетное построение этих романов совершенно различно.

При этом согласимся: тот факт, что романы построены по схеме детектива никак не мешает их полифоничности, – ведь детективная схема, организуя событийную канву и распределяя роли действующих лиц, не фиксирует ни их характеры, ни воззрения, ни структуру отношений между ними и, главное, между их голосами. Так что даже если бы Достоевский пользовался готовыми сюжетными схемами, он произвел бы переворот в романном повествовании своим принципом конфликтного многоголосия.

Что касается малой прозы, она во многом оригинальна, особенно, когда предвзряет экспрессионизм слиянием обостренного, натуралистического показа действительности с гротеском. Конечно, оригинальность не означает отсутствие предшественников. Тут и Гофман, и Гоголь, а в таких философских вещах, как «Сон смешного человека», и Одоевский из «Русских ночей». Однако, обратимся

за подробностями к более в этой области компетентным комментаторам, – к настоящим достоевсковедам.

RM:

В этом же литературоведческом ключе: что Ты думаешь о фантастике у Достоевского и утопических аспектах его идеологии?? Эта тема должны быть особенно близкой Тебе как исследователю. В своей фантастике и утопии Достоевский оригинален или же это дань традиции?? Какой традиции?? Немецкого или русского романтизма?

LH:

Да, это верно, мои исследования не обходятся без того, чтобы заглянуть к Достоевскому. Без него не может быть мало-мальски полного обзора или анализа русской фантастической и утопической литературы. Выше шел разговор о его экспрессионизме: он характеризуется, между прочим, и выходом в фантастику. Подчеркнутым образом это дано в малой прозе. Хотя фантастичны (антиутопичны) и финал «Преступления и наказания», и «Легенда о Великом Инквизиторе». Кстати, именно утопию Достоевского – его концепцию преобразования человека и всего человечества по примеру Христа, в любви к Христу, – смело можно назвать христианской. Если в Достоевском видеть исключительно утописта, то, может быть, и имеет смысл говорить о нем как о христианском писателе. Проблема в том, как уже говорилось, что масштаб его творчества позволяет видеть разные его грани. Для исследователя же утопии – а не христианских идей в русской литературе – Достоевский особо важен, пожалуй, как критик утопии, как борец против рационализма, униформизации, обязательности – требующей насилия, – которые прямо или скрыто навязывает утопия, особенно в той форме, в какой она выработалась в XIX веке. «Записки из подполья» – ответ Чернышевскому на его утопию Хрустального дворца – это одна из сильнейших вещей на эту тему в мировой литературе. Вместе с тем, ни сама тема, ни форма антиутопии не рождаются у Достоевского. Он включается в антиутопическую линию русской литературы, в линию, которая ведет от антипросветительских эпизодов из романов Хераскова в XVIII веке к Одоевскому, автору апологов-памфлетов против прагматизма Бенгтама и Мальтуса. А за Достоевским-фантастом стоят те же великаны – Гофман и Гоголь. Не считая других. Где-то я читал и охотно повторяю, что на «Сон смешного человека», написанный в 1877 году, повлияла не переводившаяся на русский язык (но Достоевский читал по-французски) книга, которую Огюст Бланки написал в клервоской тюрьме в 1872 году, – «К вечности через звезды», – рассказ о том, что вселенная наполнена бесконечным количеством планет, а в их числе множество планет-двойников Земли, заселенных людьми, такими же, как на Земле, в разных стадиях развития человечества. За подробностями...

RM:

Как Ты думаешь, виноват ли Достоевский в том, что сейчас происходит в России?

LH:

Мне не нравится формулировка вопроса. Как может Достоевский быть «виноват в том, что сейчас происходит»? Разве такое утверждение имеет смысл? Это совсем как обвинять Ницше в нацизме. Нацизм использовал Ницше, это да. Но говорить о вине это как бы говорить: виноват – запретим читать и снесем памятники. Путинская Россия, Дугин и проч., используют Достоевского, это очевидно. Но «виноват» ли он? Куда подавать в суд, чтобы добиться приговора?

Достоевский участвовал в построении русской великодержавной мистики, но она начинается ведь не у него, а лежит давным-давно, в эпохах разногласий между восточной и западной церквями, потом «отатаривания» Руси, потом теории Третьего Рима, потом разных Погодиных и Магницких, тех, кто ограждал Россию от западных веяний. Кстати, старение западной цивилизации, на смену которой придет Россия, составляет клише из концепции *translatio sapientiae*, аналог *translatio Imperii*, которая зародилась на Западе же: это и «свет с Востока» Квирина Кульмана, и Лейбниц, и французские просветители. Для интеллектуальной России это не общая и не обязательная позиция; например, Гончаров во «Фрегате “Паллада”» видит Россию законным представителем Европы перед лицом японского Востока. Но подобная мысль с ее антизападным потенциалом все же хорошо укоренена в традиции и достаточно распространена. Достоевский много сделал для того, чтобы она еще сильнее обосновалась в сознании читающей русской публики. Но обвинять его в том, что происходит **сейчас**? Полно!

RM:

Проблема света с востока в том, что Россия не совсем Восток, то есть не только Восток, ведь со времени Петра она постоянно, «то передом, то задом» лезет в окно Европы, то его открывает, как форточку для свежего воздуха, то заколачивает наглухо (что, по всей видимости, произойдет в ближайшее время).

LH:

Все правильно. Глава I екатерининского Наказа начинается словами «Россия есть Европейская держава». Но все же если смотреть на Россию с запада, то это, конечно, восток. «Европейничанье – болезнь русской жизни», писал Данилевский. Однако, давно замечено (А. Градовский), что славянофильство – тоже идея, заимствованная с Запада. Бердяев писал в «Судьбе России», что «идолопоклонство перед Западом – явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души». Верно, многие восточные страны лезут в окно Европы, хороший тому пример: та же Япония. Если бы Японию не заставили открыться перед Западом пушки commodора Перри, то уговорили бы, блеснув на солнце штыками, как писал Гончаров, представители русской миссии Путятин.

RM:

Достаточно давно введение к своей книге «Вселенная за пределом догмы» (1985) Ты закончил размышлением на тему «опасности подмены идеологическим толкованием

собственно литературного анализа». Достоевский – как ни один другой русский писатель, а возможно не только русский – всегда был обречен на именно идеологическое толкование. Если отвлечься от идеологии как актуальности в определенных социальных и экзистенциальных обстоятельствах, а рассматривать идеологию как единство выраженных идей, то как можно было бы определить идеологию Достоевского?

ЛН:

Стоит ли вообще в нашем кратком диалоге начинать разговор об «идеологии» Достоевского? Ты даешь определение идеологии; но единственное ли оно? Не расплывчатое ли? Бывают ли индивидуальные идеологии? Называя «единство идей» Достоевского идеологией, не предполагаем ли мы, что он формулирует не собственные мысли, пусть даже они составляют систему, а является выразителем сознания или интересов какого-то класса, какого-то надличного сообщества? Не боролся ли Достоевский именно против идеологии, разоблачая всеобязательность утопии? Я, впрочем, не против самого термина, сегодня он, как кажется, избавляется от своего бывшего значения «ложного сознания»; просто здесь нет места задуматься всерьез над его новым наполнением. В определенном смысле верно, что сочинения Достоевского, художественные и публицистические, заключают в себе не только систему его личных взглядов, его мировоззрение, но и предложения для русского общества, – и духовные, и социальные, и геополитические. Идеология ли это? У него ясно прочитываются и русское (православное) мессианство, и «миссионизм» (термин Николая Лосского), который приписывает России то задачу обновления одряхлевшей западной цивилизации, то цивилизаторскую миссию в странах Азии. Об этом я уже упомянул. Меня больше привлекает его квази-анархистский культ свободной личности. Но Ты прав: мне интереснее читать, заниматься литературным анализом, чем давать идеологические показания, извини, толкования.

RM:

Какой текст Достоевского сейчас может быть актуальным для русского/российского читателя?

ЛН:

Актуальны для сегодняшнего русского/российского читателя, **если тот стремится к укреплению своего антизападного настроения**, могут быть все места у Достоевского, где показана мизерность Запада, начиная с «*Зимних заметок о летних впечатлениях*», а кончая «*Игроком*». Если читатель захочет убедиться, что Достоевский подходил с некоторой тонкостью к вопросу, пусть посмотрит те же «*Заметки*» или размышления о «*стране святых чудес*», например, в Дневнике писателя: «*Европа нам тоже мать*», – но: «*В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азии будем господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы*» (1881, январь, гл.2, IV). Кстати, тут Достоевский как будто сходится с Гончаровым

(у которого бывали, конечно, и антиевропейские мысли). Комплекс неполноценности по отношению к Европе в этих высказываниях явен.

Насколько это актуально, насколько в сегодняшней русско-украинской действительности речь идет о том, чтобы усилить Россию перед европейцами, спорный вопрос. Мне кажется в конечном итоге, что Путину кажется, (1) что Украина может стать плацдармом для НАТО, и, главное, (2) что европеизация/окцидентализация Украины составит плохой пример для россиян.

Насколько завоевание Украины – это тот «исход к Востоку», о котором мечтал Достоевский, а вслед за ним разные евразийцы и Солженицын, для меня совсем не очевидно, разве что в ракурсе «сжигания мостов», связующих Россию и Запад. Но я еще меньший политолог, чем достоевсковед.

Prof. dr Leonid Heller

Faculté des lettres
Section de langues et civilisations slaves et de l'Asie du Sud
Anthropole – CH 1015, Lausanne, Schweiz
leonid.heller@unil.ch

Dr hab Roman Mnich

Wydział Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytet Warszawski
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927, Warszawa, Polska
r.mnich3@uw.edu.pl

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as image or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

